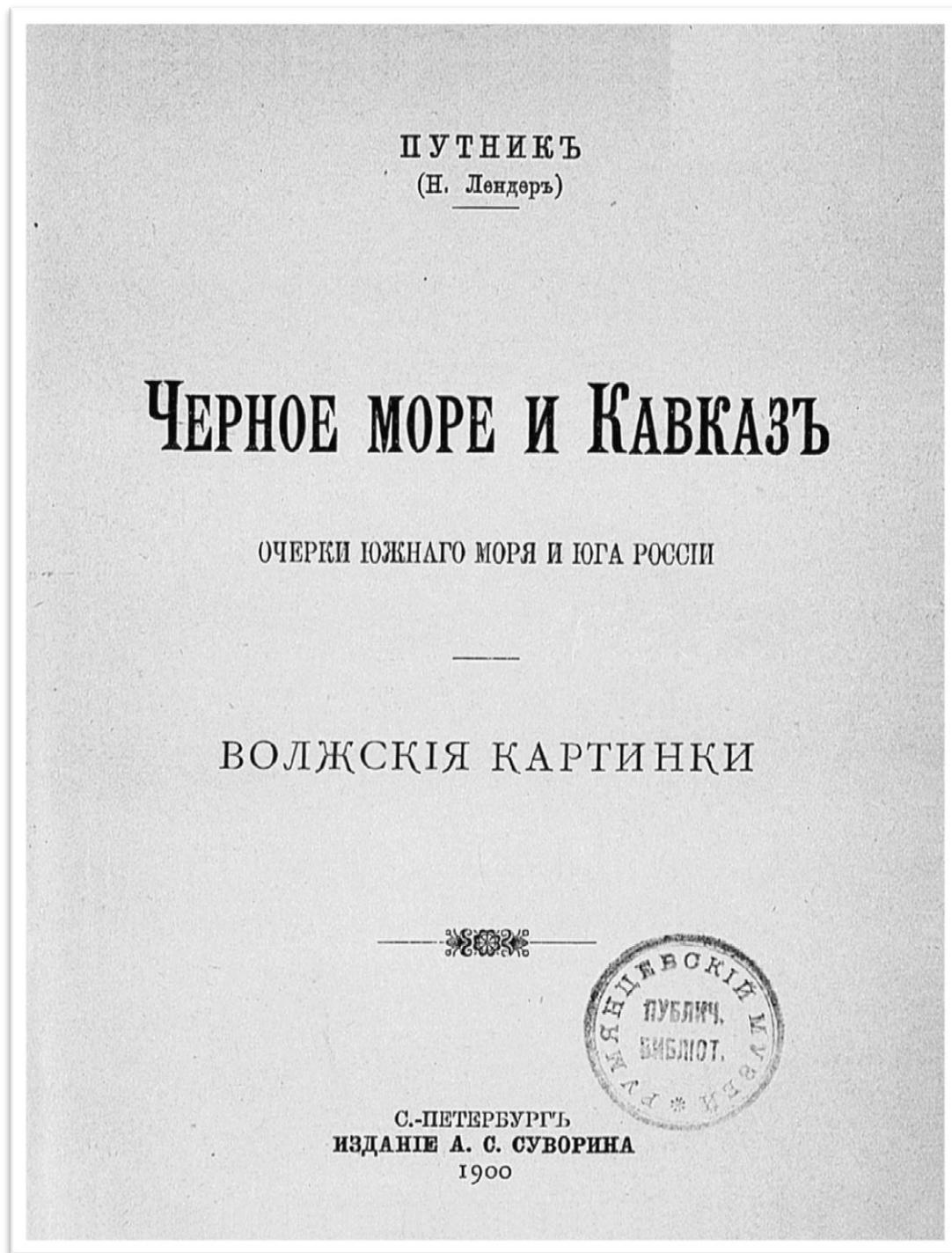

Немецкое Поволжье

Немцы на Волге. — Кустарные производства. — Сарпинка. — Горчичный промысел. — Община. — Приволжское шелководство.

Немецкие колонии Поволжья представляют много любопытного. Если теперешние немцы и далеко не те, какими были их деды и прадеды, то все-таки, остатки старины ещё не совсем изгладились. Некоторые, унаследованные исстари,

формы ремесленного труда, разные обычаи, порожденные немецкой предусмотрительностью и аккуратностью, – всё это представляется не безынтересным наблюдателю.

В ряду производств колоний заслуживает серьезного внимания производство известной сарпинки. Это один из симпатичнейших видов кустарного промысла.

Выработка сарпинки получила свое начало в прошедшем столетии в колонии Сарепта (Царицынского уезда, Саратовской губ.), но в позднейшее время производство её там совершенно прекратилось, и главнейшими центрами выработки этой дешевой и практичной бумажной ткани сделались колонии, расположенные по берегам Волги много севернее Сарепты, главным образом, колонии Панцырь, Камышинского уезда, Голый Карамыш¹, а также села Усть-Золиха (Мессер), близ Саратова, Гололобовка (Денгоф), Лесной Карамыш (Гримм), Ново-Гололобовка, Ново-Мессер, хутор Поповка и проч. Этот вид кустарного производства насажен в России прадедами нынешних колонистов; в настоящее время производство сарпинки широко развилось и служит большим подспорьем крестьянину-земледельцу. Сарпинка вырабатывается в крестьянских семьях в свободное от полевых работ время, т.е. в течение зимних месяцев, с октября до апреля. В конце тридцатых годов сарпинка стала появляться на сельских ярмарках, но обработка её в то время была самая примитивная, чуждая и тени того изящества, до которого сумели её довести в последние годы, благодаря обнаружившемуся спросу со стороны более требовательного городского населения. Сарпинка ткалась из грубой пряжи, окрашенной в один и, редко, в два цвета; краски и рисунок ткани были в самом первобытном состоянии. Лет сорок тому назад, в среде производителей сарпинки стали проникать хорошие образцы ситцев с затейливыми рисунками, вкус ткачей несколько развился и, благодаря этому, в области производства сарпинки стал замечаться некоторый прогресс. Теперь же это дело окончательно получило прочную постановку; им занимаются

¹ Немецкая колония Голый Карамыш – тоже, что Панцырь или Бальцер. Здесь автор ошибочно дважды называет одну и ту же колонию. — Прим. А. Шпак.

до 5000 крестьянских семей. Крестьянской сарпинки уже вырабатывается мало, главную роль играет изготовление модной сарпинки по заграничным рисункам.

Ручной труд в этом своеобразном промысле идет рука об руку с простыми, несложными сновальными и ткацкими станками, конечно, без всяких паровых или иных двигателей. Материалами для выработки служат: хлопчатобумажная пряжа, приобретаемая частью у русских, частью у иностранных бумагопрядильных фабрикантов в отбельном и иногда в суровом виде, краска и крахмал. Окрашивание пряжи часто производится промышленниками в собственных красильных заведениях. Есть семьи ткачей-крестьян, которые занимаются выработкой сарпинки не с осени до весны только, но в течение круглого года, причем заработок опытного работника определяют в 30-50 руб. за зиму и в 50-80 руб. за весь год на каждый станок. Средний работник изготавливает в сутки до 12 аршин ткани. В крестьянских семьях более достаточных ткачество производится на нескольких станках (не более, впрочем, пяти) и приобретает, таким образом, характер широко поставленной работы, дающей семье солидное обеспечение.

Такова обстановка этого дела, имеющего несомненную будущность, тем более, что уже в настоящее время дешевая и прочная сарпинка конкурирует довольно удачно с дорогими стоящими заграничными батистами, зефирами и т.п. материями. Жаль только, что симпатичное производство, не отрывающее работников от семьи, а, напротив, соединяющее семью для общей работы, подпало под близкую опеку крупных коммерсантов. Большому кораблю – большое и плаванье, крупному коммерсанту – большие барыши за посредничество. Коммерсанты эти снабжают кустарей пряжей, они же и торгуют их изделиями оптом и в розницу.

Главным потребителем сарпинки является Поволжье, частью сарпинка идет на Восток, в Персию и в Бухару, небольшое количество её отправляется даже в Австрию.

Наряду с выделкой сарпинки можно поставить другое характерное производство низового Поволжья – фабрикацию

горчицы. Это уже производство – чисто фабричное. По этой специальности много работает та же Сарепта, являясь, таким образом, колыбелью как сарпиночного, так и горчичного дела. В Сарепте разрослось, кроме предприятия «горчичного дедушки», г. Глича, другое такое же дело – г. Кноблоха. Затем, в позднейшие годы возникла фабрикация горчицы в местностях Приволжья, лежащего севернее Сарепты (напр., в посаде Дубовка) – это, однако, ничуть не отразилось на успешности сбыта сарептских произведений.

Как ни трудолюбивы немцы-колонисты, но приходится признаться, что прежние основы жизни в немецких колониях теперь несколько пошатнулись. Трезвость и умеренность отошли в область воспоминаний. Каждый колонист в отдельности стал слаб. Крепки только основы немецкой *общины*, которая, в противоположность отдельным лицам, до сих пор сохраняет свою силу и заставляет всех прислушиваться к своему властному голосу. Община строго следит за соблюдением традиций старины, следит за порядками и безопасностью селений, что, как мы увидим сейчас, особенно важно в краях низового Поволжья.

Красный петух – это бич Божий, причиняющий большие опустошения деревянной и соломенной России, особенно страшен нашему степному Югу в выпадающие иногда долгие периоды июньских и июльских засух и бездождья. Многолюдные центры, большие торговые города низового Поволжья, которых успело коснуться благоустройство хотя бы в виде только неуклюжей деревянной каланчи, одиноко возвышающейся над обывательскими домами, куда счастливее тех глухих поселков, где один намек на красного петуха, какой-нибудь подозрительный дымок на горизонте моментально вызывает всеобщую панику и быстрое сознание полной беспомощности.

Немцы, нужно отдать им справедливость, в пожарном отношении вполне оправдывают свою хваленую аккуратность.

Во время скитаний по Волге и Югу, за десять лет, мне пришлось познакомиться с разными типами немецких поселений – с многолюдными самарскими колониями, с

крошечными немецкими уголками саратовского края, с немецкими селениями городского типа в Новороссии и Бессарабии и проч. Представьте себе приволжскую колонию с населением в 3-4 тысячи душ, довольно развитую в промышленном отношении, бойко работающую по хлебному делу и имеющую подле себя как бы целый особый город пшеничных амбаров вместимостью по 50, 60 и 100 тысяч пудов зерна. И этот город с 400-500 деревянными амбарами и сама колония, сплошь состоящая из деревянных же домиков и длинных заборов, находится, строго говоря, в самых невозможных условиях в пожарном отношении. Река не совсем близко, берег крутой, между зданиями не только ни одного садика или палисадника, но даже нет пары хороших деревьев, а кругом однообразная, до утомления сухая, выжженная солнцем степь.

И представьте себе, что не смотря на всё это, красный петух чрезвычайно редкий гость в колонии! Здесь подолгу живут в памяти обывателей старые пожары, о которых, как о необычайных явлениях, рассказывают со всеми подробностями через десять-двадцать лет. Новый пожар – редкость.

— Как же это достигается?

— А очень просто, — объяснял мне один колонист, — у нас нет причин для пожаров, нет и самих пожаров.

В колонии свои обычаи. Прежде всего даже самый распущенный и безалаберный человек чрезвычайно осторожен с огнем. Это в крови у колонистов. Но, кроме того, община формальным приказом запрещает держать дома и во дворе легко воспламеняющиеся предметы. Так, например, полагается иметь сена не более трехдневного запаса. Но этого мало. При каждом депо земледельческих машин и орудий (а их в колониях немало; тут частью продаются заграничные орудия, частью плуги и веялки собственной выделки) стоят в полной исправности водокачки, насосы, пожарные шланги... Решительно всё под рукой; инструменты немедленно могут быть употреблены в действие.

Но самое главное: случись пожар, и население не только этой колонии, но и соседних, сейчас явится как один человек, одушевляемое одним духом.

Не лишены оригинальности некоторые русские предприятия в низовом Поволжье. В Саратовском крае привилось шелководство. Шелководство на низовой Волге – дело новое. Оно имеет свою историю. Шелковица была насажена здесь ещё в прошлом столетии. Её перенесли сюда с плантаций, расположенных по реке Ахтубе, где делу шелководства положил начало Петр Великий. В 1822 году землевладельцем Ф.Д. Лятошинским, бывшим в Персии при русском посольстве вместе с А.С. Грибоедовым, были вывезены первые яйца шелкопряда и с тех пор имение Лятошинских, сельцо Винновка, сделалось уголком волжского шелководства, которое удовлетворяло местным нуждам. В 30-х и 40-х годах производился сбыт шелка в нитке, в размотанном виде. Этот способ затруднял шелководов. С конца семидесятых годов фабрики шелковых тканей завели размотку шелка у себя и стали покупать коконы уже в сыром виде. Около 1875 года шелководство Винновки получило некоторое промышленное значение. Начав с 2 пуд. коконов, Винновка теперь имеет уже до 1000 взрослых деревьев (от 20 до 40 лет) и школу саженцев. В 1889 году шелка добывалось до 20 пуд. коконами, причем, добыча с годами увеличивалась. Шелк из Винновки сбывался на одну из больших шелковых фабрик в Москве. Что касается условий волжского шелководства, то в Винновке пришли к заключению, что на десятине может свободно расти 1000 деревьев, дающих от 18 до 22 пуд. коконов. Обработка стоит 10 руб. на пуд.

Низовое Поволжье, являющееся насиженным уголком немцев-колонистов и колыбелью специальных культур, представляет вместе с тем незавидный степной край, которому, ввиду периодических засух, принесло бы очень много блага лесоразведение, зачатки которого уже имеются.

Путник (Н. Лендер). Черное море и Кавказ. Очерки южного моря и юга России. Волжские картинки. — СПб: Издание А.С. Суворина, 1900, с. 180-186.